

Диана Фурсова

ОТВЕРГНУТАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

МАСТЕРСКАЯ ЖИВЫХ КУКОЛ

Диана Фурсова

**Отвергнутая жена дракона.
Мастерская живых кукол**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Отвергнутая жена дракона. Мастерская живых кукол /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Ещё утром Элина была женой герцога-дракона. К вечеру её при всём роду лишили имени хозяйки и сослали в заброшенный восточный флигель — туда, где пылятся старые ткани, сломанные куклы и забытая мастерская, которой все боятся. Рейнар Вальд думал, что отправил ненужную жену в место, где она тихо исчезнет. Но мастерская живых кукол проснулась. Старые хранительницы открывают глаза, золотые нити выбирают руки Элины, а пыльный флигель оказывается не наказанием, а силой, которую кто-то слишком долго держал взаперти. Теперь Элине придётся поднять мастерскую с нуля, раскрыть ложь в доме драконов и решить, чего она хочет сама: вернуть своё место рядом с мужчиной, который её отверг, или построить жизнь, где больше никто не посмеет назвать её бесполезной.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Жена, которую списали	5
Глава 2. Мастерская под паутиной	16
Глава 3. Первая кукла для чужого дома	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Жена, которую списали

— С этой минуты Элина Вальд больше не имеет права называться хозяйкой моего дома.

Голос герцога Рейнара Вальда разошёлся по мраморному залу спокойно, ровно и страшно. Без крика, без гнева, без малейшего усилия, будто он не ломал чужую жизнь, а отдавал распоряжение переставить подсвечники перед ужином.

Элина стояла на середине родового зала и смотрела не на него, а на тяжёлый герб над высоким камином. Чёрный дракон, свернувшийся вокруг золотой башни, казался почти живым в дрожащем свете свечей. Его каменные глаза были вырезаны так искусно, что в них чудилось презрение. Или это просто весь зал смотрел на неё именно так — с холодным, сытым, безжалостным любопытством.

Вдоль стен сидели родственники Вальдов. Старшие лорды в тёмных камзолах, дамы с тяжёлыми украшениями у горла, молодые наследники боковых ветвей, похожие на воронов в праздничном оперении. Никто не возразил. Никто даже не сделал вид, что сочувствует.

Элина провела ладонью по складке серого платья, чужого и слишком тесного в груди. Ещё утром она не знала, как называется этот мир. Ещё утром она проснулась в незнакомой спальне, среди резных балдахinov и горящих без огня светильников, с чужим именем на устах служанки и чужой болью в теле. А к вечеру её уже вывели перед советом рода, как провинившуюся вещь, которую нужно было официально убрать из красивых комнат.

И самое странное — она не плакала.

Возможно, прежняя Элина плакала бы. Та женщина, чьё лицо теперь отражалось в тёмных окнах замка, наверное, умела опускать глаза, молчать и ждать милости от мужа-дракона. В памяти нового тела ещё плавали обрывки: короткая свадьба без радости, ледяные завтраки за длинным столом, шёпот служанок, письма без ответа, попытки быть удобной, незаметной, достойной.

Но та Элина исчезла. Или ушла так глубоко, что оставила после себя только имя, тонкие пальцы с обручальным кольцом и странную пустоту там, где должны были быть страх и покорность.

А нынешняя Элина слишком хорошо знала цену красивым приговорам.

В прежней жизни её тоже однажды списали. Не так торжественно, конечно, без гербов, драконов и родового собрания. Просто сказали, что авторские куклы больше никому не нужны, мастерская нерентабельна, аренда растёт, клиенты хотят дешёвую бездушную красоту, а не восстановленные вручную лица, не шёлковые ресницы, не платья, сшитые стежок к стежку. Тогда она собирала свои ткани в коробки и думала, что хуже унижения быть ничего не может.

Оказалось, может.

— Брак был заключён по настоянию старшего совета, — продолжил Рейнар.

Он стоял у высокого кресла главы рода. Не сидел, хотя имел на это право. Высокий, тёмноволосый, с холодным лицом и глазами цвета зимнего железа, он производил впечатление человека, которому никогда не приходилось просить дважды. В этом мире его называли драконом не только из-за крови. Власть в нём ощущалась даже в неподвижности.

Элина смотрела на него и пыталась понять, что чувствует. Чужая память подсовывала боль, привычное ожидание удара, обиду, от которой хотелось согнуться. Собственная же злость поднималась медленно, но уверенно, словно в глубине груди расправляла плечи.

— Этот брак не дал дому Вальдов ни союза, ни силы, ни наследия, — сказал Рейнар. — Леди Элина не сумела занять место, которое ей было предоставлено.

По залу прокатился тихий шорох. Кто-то поправил браслет, кто-то сдержанно кашлянул. У дальней колонны одна из дам склонилась к соседке, и в её улыбке было столько удовольствия, что Элине вдруг захотелось рассмеяться.

Не сумела занять место.

Какое именно? Место молчаливой тени? Место женщины, которую не приглашали в хозяйственные комнаты, не знакомили с управляющими, не допускали к родовым книгам и не спрашивали, чего она хочет? Место украшения, которое сперва поставили в зал, а потом решили, что оно не подходит к интерьеру?

Она не сказала этого вслух. Пока не сказала.

— Я понимаю, — медленно произнесла Элина.

Её собственный голос прозвучал тише, чем ей хотелось, но не дрогнул. Несколько лиц тут же повернулись к ней с новым интересом. Видимо, от прежней Элины ждали слёз, просьб или хотя бы побледневшего молчания.

Рейнар тоже посмотрел внимательнее.

— Что именно вы понимаете? — спросил он.

Элина подняла на него глаза.

— Что дом Вальдов очень бережно относится к вещам, которые считает полезными, и очень быстро избавляется от всего, что не сумел использовать.

В зале стало тише. Не громче — именно тише, до неприятного звона в ушах. Где-то за окнами ударил ветер, и тяжёлые стёкла едва слышно отозвались.

Рейнар не изменился в лице, но его взгляд потемнел.

— Осторожнее, леди Элина.

— Почему? — спросила она так же спокойно. — Меня уже лишили права называться хозяйкой. Чего ещё мне следует опасаться? Что у меня заберут уважение, которого здесь никогда не давали?

Старшая леди у камина возмущённо втянула воздух. Кто-то из молодых мужчин усмехнулся, но тут же замолчал под взглядом герцога.

Элина ощутила, как пальцы сами сжались на ткани платья. Не от страха. От того, что она впервые за весь этот кошмар почувствовала под ногами не пустоту, а тонкую, едва заметную опору. Слово, сказанное вслух, не разрушило её. Напротив, будто вернуло ей кусочек себя.

Рейнар сделал шаг вниз с возвышения.

— Вы сохраняете фамилию до особого распоряжения совета, — сказал он уже официально. — Вам будет выделено содержание.

— Сколько?

Вопрос вырвался быстрее, чем она успела его обдумать. В зале снова зашелестели. Женщина, которую только что публично отстранили от дома, не должна была спрашивать о деньгах с такой прямотой.

Рейнар едва заметно прищурился.

— Управляющий сообщит вам сумму.

— То есть сейчас вы не знаете.

— Это не предмет обсуждения на родовом собрании.

— Моё изгнание — предмет, а возможность не умереть с голоду после него — нет?

Слова прозвучали резче, чем следовало, но Элина не пожалела. Она слишком хорошо понимала: красивое “содержание” могло означать пару монет, зависимость от прихоти управляющего и бесконечные унижительные просьбы. А если в этом мире всё устроено хоть немного похоже на её прошлую жизнь, женщину без денег очень быстро загоняют туда, где она соглашается на любое условие.

— Леди Элина, — вмешался пожилой лорд с узким лицом и серебряной цепью на груди, — вы забываетесь.

— Напротив, милорд. Я впервые пытаюсь запомнить всё очень точно.

Элина повернула к нему голову и увидела, как дрогнули его тонкие губы. Он ожидал привычной покорности и, похоже, не знал, куда деть женщину, которая в самый неподходящий момент начала задавать простые вопросы.

Рейнар поднял руку, останавливая дальнейшие реплики.

— Вам будет предоставлен старый восточный флигель, — произнёс он. — Он расположен за садовой стеной. Там достаточно комнат для проживания.

По лицам присутствующих пробежало странное выражение. Не удивление. Не жалость. Скорее предвкушение чужого падения. Дама в изумрудном платье прикрыла губы веером, но Элина успела заметить улыбку.

— Восточный флигель? — переспросила она.

Служанка, стоявшая у двери, едва заметно опустила голову. Этот жест сказал больше, чем любые объяснения.

— Там когда-то находилась мастерская, — ответил Рейнар. — Она давно не используется. Вы сможете распорядиться ею по своему усмотрению.

Смех всё-таки прозвучал. Тихий, женский, короткий, будто кто-то не удержался.

Элина повернулась на звук.

У колонны стояла высокая светловолосая женщина в жемчужно-белом платье. Она не сидела среди родственников, но держалась так уверенно, словно уже принадлежала этому залу больше, чем законная жена герцога. Её волосы были уложены мягкими волнами, на тонкой шее сверкал прозрачный камень, а лицо казалось тем совершенством, которое дорого стоит и ещё дороже обходится окружающим.

— Простите, — сказала женщина сладким голосом. — Я просто вспомнила, как в детстве нас пугали этой мастерской. Живые куклы, ночные шёпоты, старые тряпичные чудовища... Право, герцог, вы великодушны. Не каждая женщина получает целое королевство пыли.

Несколько человек засмеялись уже смелее.

Элина посмотрела на неё долго и внимательно. Чужая память подсказала имя: леди Авелия. Гостья рода. Любимица старших дам. Та самая, чьё имя в последние месяцы всё чаще произносили шёпотом возле кабинета Рейнара.

Ну конечно.

Новая женщина должна была увидеть, как старую убирают с дороги. И, желательно, чтобы старая ушла тихо, низко склонив голову.

Элина улыбнулась.

— Пыль — честнее жемчуга, леди Авелия. Она хотя бы не притворяется светом.

Улыбка Авелии осталась на месте, но взгляд стал тоньше.

Рейнар перевёл глаза с одной женщины на другую.

— Достаточно.

Одно слово, и зал послушно замолчал. Только Элина вдруг ясно поняла: если он привык останавливать всех одним словом, значит, раньше ему это позволяли. Прежняя Элина, наверное, тоже позволяла.

Нынешняя — не собиралась.

— Я принимаю флигель, — сказала она. — И мастерскую тоже.

Рейнар, кажется, ожидал чего угодно, только не этого. Он внимательно посмотрел на неё, будто впервые увидел не фамилию в брачном договоре, не неудобную обязанность рода, а живого человека, который почему-то не сломался там, где должен был.

— Вы понимаете, что это не подарок? — спросил он.

— Конечно. Подарки обычно дают с теплом. Здесь я вижу только расчёт.

— Восточный флигель не предназначен для приёмов и светской жизни.

— Прекрасно. Значит, туда не будут ходить люди, которые мне неприятны.

Кто-то снова сдавленно охнул. Элина заметила, как леди Авелия чуть сильнее сжала веер.

Рейнар молчал несколько секунд. Затем взял со стола узкий лист с печатью и положил его перед старшим лордом.

— Решение совета записано. Леди Элина переселяется сегодня. Ей остаются личные вещи, часть гардероба и право пользоваться восточным флигелем. Слуги, назначенные к её покоям, возвращаются в распоряжение управляющего.

Вот теперь стало по-настоящему холодно.

Без слуг. Без денег на руках. Без понимания мира, в котором она оказалась. С чужой памятью, полной дыр. В старом флигеле, над которым смеются даже те, кто прислуживает в замке.

Элина медленно вдохнула и заставила себя не опустить взгляд.

— Мои вещи соберут?

— Вам помогут перенести необходимое, — сказал Рейнар.

— Необходимое для кого?

Он не ответил сразу.

И этого хватило.

— Я сама выберу, что мне необходимо, — сказала Элина. — Если у меня всё ещё есть это право.

Старший лорд недовольно пошевелился.

— Формально леди Вальд сохраняет право на личные вещи, — сухо произнёс он, будто это причиняло ему почти физическое неудобство.

— Благодарю за формальность, милорд. Сегодня она удивительно похожа на милость.

Рейнар сделал ещё один шаг к ней. Между ними оставалось совсем немного расстояния, и Элина впервые ощутила странное давление его силы. Не запах, не жар, не видимое сияние — скорее присутствие огромного существа, которое по какой-то причине сдерживает себя в человеческом облике. Воздух рядом с ним казался плотнее.

— Вы стали смелее, чем были вчера, — негромко сказал он.

Элина не знала, что ответила бы прежняя хозяйка этого тела. Наверное, ничего. Но она уже устала жить за женщину, которая так долго молчала, что исчезла.

— Возможно, вчера мне ещё было что терять.

Его взгляд задержался на её лице. На мгновение ей показалось, что в нём мелькнуло нечто похожее на сомнение, но оно тут же исчезло за привычной холодностью.

— Собрание окончено, — объявил Рейнар.

Стук посоха старшего лорда по полу поставил точку. Люди начали подниматься, перешёптываться, расходиться медленно, с жадным любопытством оглядываясь на Элину. Никто не подходил. Никто не говорил ей слов утешения. Даже это было частью наказания — оставить её одной в толпе, чтобы она сама почувствовала, насколько пусто вокруг.

Элина стояла, пока последние члены совета не потянулись к выходу. Ей хотелось сесть, закрыть глаза и хотя бы минуту не быть сильной. Хотелось понять, что происходит, почему она здесь, как выбраться, можно ли вернуться в прежний мир и осталось ли там хоть что-то, к чему стоит возвращаться.

Но рядом прошла леди Авелия, и её шёлковый рукав едва не задел Элину.

— Вы удивительно бодро держитесь, — сказала она, остановившись вполоборота. — Я бы на вашем месте не спешила радоваться мастерской. Иногда старые вещи просыпаются вовсе не для того, чтобы служить.

Элина посмотрела на неё.

— А я бы на вашем месте не спешила занимать чужие комнаты. Иногда в них остаются сквозняки от прежних хозяек.

Авелия рассмеялась тихо, почти ласково.

— Прежних?

— Слово неприятное, понимаю.

На красивом лице впервые проступила тень раздражения.

— Вы быстро научитесь, леди Элина. В этом доме не любят женщин, которые слишком громко говорят.

— Тогда, возможно, дому давно пора привыкать к новым звукам.

Авелия хотела ответить, но за её спиной возник Рейнар. Он ничего не сказал, только посмотрел на неё, и женщина тут же улыбнулась иначе — мягко, послушно, будто весь яд в её голосе был всего лишь невинной игрой.

— Доброй ночи, герцог, — произнесла она. — Доброй ночи, леди Элина. Надеюсь, куклы вас не испугают.

Она ушла, оставив после себя тонкий аромат дорогих цветов и ощущение, будто по полу скользнула змея в кружеве.

Элина повернулась к выходу, но Рейнар остановил её:

— Я провожу вас до покоев.

— Не стоит.

— Это не просьба.

Она устало посмотрела на него. Высокий, властный, привыкший, что любое его “не просьба” автоматически становится чужой обязанностью. Ещё вчера эта женщина, возможно, пошла бы рядом молча и поблагодарила бы за крупную вниманья. Но сейчас Элина чувствовала только глухое раздражение.

— Герцог, вы только что при всех лишили меня места в доме. Не надо украшать это заботой на пустом коридоре.

Его лицо осталось непроницаемым, но пальцы на перчатке слегка согнулись.

— Вы не понимаете здешних порядков.

— Возможно. Зато я понимаю простые вещи. Если человека выставляют за дверь, не нужно делать вид, что его провожают на прогулку.

Она пошла первой.

Коридоры замка оказались длиннее, чем подсказывала память. Стены тянулись тёмными панелями, между окнами висели портреты суровых мужчин и женщин, у каждого в чертах было что-то от Рейнара: линия скул, гордая посадка головы, ледяное спокойствие. Этот дом был создан, чтобы подавлять. Даже ковры глушили шаги так, будто заставляли людей вести себя тише.

Элина шла и пыталась не показывать, что плохо ориентируется. Иногда чужая память подсказывала поворот, иногда подводила, и тогда приходилось выбирать наугад. К счастью, за ней всё же следовала молодая служанка с опущенными глазами — та самая, что стояла у двери во время собрания.

— Как тебя зовут? — спросила Элина, когда они поднялись по узкой лестнице.

Девушка вздрогнула.

— Мира, госпожа.

— Ты была приставлена к моим покоям?

— Да, госпожа. До сегодняшнего вечера.

Слова прозвучали тихо и виновато. Элина повернула голову. Мира была совсем юной, тонкой, с веснушками на носу и пальцами, покрасневшими от работы с водой и холодом. Она выглядела так, будто уже ожидала наказания за сам факт разговора.

— Ты не виновата, — сказала Элина.

Девушка подняла на неё удивлённые глаза и тут же снова опустила.

— Госпожа?

— Я говорю, ты не виновата. Не надо смотреть так, словно ты лично выселила меня в этот флигель.

Мира сглотнула.

— Про восточный флигель дурное говорят.

— Все говорят или только те, кто там никогда не был?

Девушка замялась.

— Я не знаю, госпожа. Слуги туда не ходят. Старший управляющий запретил. Сказал, что там вещи сами двигаются, двери открываются, а по ночам кто-то стучит изнутри шкафов.

— Значит, шкафы хотя бы пытаются общаться. Уже неплохо.

Мира испуганно моргнула, потом вдруг почти улыбнулась, но быстро спрятала улыбку.

Элина почувствовала к ней неожиданную благодарность. В этом доме, где каждый взгляд был ножом в кружевной обёртке, маленькая человеческая улыбка стоила дороже обещанного содержания.

В покоях прежней герцогини царил идеальный порядок. Слишком идеальный, нежилой. Кровать под вышитым покрывалом, туалетный столик с аккуратно расставленными гребнями, шкафы, где платья висели по цветам, шкатулки, коробки, сложенные ленты. Всё дорогое, красивое, почти бесполезное.

Элина остановилась посреди комнаты и вдруг ощутила такую усталость, что на миг потемнело перед глазами. Не слабость, не болезнь, а перегрузка: чужое тело, чужой мир, чужой муж, чужие враги. А теперь ещё нужно решить, какие вещи брать в неизвестную ночь, чтобы не оказаться полностью беззащитной.

— У нас мало времени? — спросила она.

Мира торопливо кивнула.

— Управляющий велел освободить комнаты до полуночи.

Элина медленно повернулась к ней.

— Как предусмотрительно. А сколько сейчас?

— Почти десять, госпожа.

Два часа.

Прекрасно. Изгнание с расписанием.

— Тогда слушай внимательно, Мира. Мне нужны не самые красивые вещи, а самые полезные. Тёплая одежда, нижнее бельё, простые платья, обувь, плащи, иглы, нитки, ножницы, ленты, куски ткани, если есть. Все шкатулки с моими личными украшениями тоже. Книги, бумаги, письма — отдельно. Всё, что выглядит как ключи, печати, списки, записи расходов, тоже отдельно.

Мира застыла с таким видом, будто услышала приказ начать осаду крепости.

— Госпожа, но украшения...

— Личные?

— Да, но...

— Значит, мои. Книги тоже мои?

— Думаю, да.

— Не думай. Складывай. Если кто-то спросит, скажешь, что леди Элина решила быть необычайно послушной и забрать ровно то, что ей принадлежит.

Мира кивнула и бросилась к шкафу. Элина подошла к туалетному столику, открыла первую шкатулку и увидела тонкие серьги, несколько колец, брошь с тёмным камнем. Слишком мало для жены герцога. Чужая память подсказала: многие подарки так и остались “родовыми”, то есть не её. Прежняя Элина благодарила даже за это.

Нынешняя закрыла шкатулку и положила её в дорожный сундук.

Потом она нашла корзинку с рукоделием.

И вот там, среди катушек, обрезков кружев, тонких игл и старых деревянных пялец, впервые за вечер почувствовала не злость, не страх и не растерянность, а почти болезненное узнавание. Пальцы сами потянулись к ткани. Полотно было плотным, хорошим, но вышивка на

нём оказалась неумелой: неровные стежки, сбившийся узор, затянутый угол. Прежняя Элина, видимо, пыталась занять руки тем, чего от неё ждали благородные дамы.

Элина провела большим пальцем по кривой линии и тихо выдохнула.

С тканью она справится. С нитями справится. С деревом, лицами, швами, выкройками, платьями, восстановлением старых вещей — тоже. В мире могло быть что угодно: драконы, родовые советы, живая магия, жестокие браки. Но игла оставалась иглой. Нить оставалась нитью. Вещь, которую все считают испорченной, иногда просто ждёт рук, способных увидеть, где начался разрыв.

— Это тоже возьмём, — сказала она.

Мира обернулась.

— Корзинку?

— Всё рукоделие. И любые ткани, которые не прибиты к стенам.

Девушка уже не спрашивала. Она только кивнула и стала работать быстрее.

Через час у двери стояли три сундука и две корзины. Элина понимала, что это мало для новой жизни, но много для женщины, которую хотели вывести почти с пустыми руками. В одной корзине лежали ткани и швейные принадлежности, во второй — книги, письма, несколько тетрадей с хозяйственными заметками прежней Элины. Сундуки приняли одежду, обувь, бельё, плащи, шкатулки и всё, что могло пригодиться.

Управляющий явился без стука.

Высокий сухой мужчина с гладко зачёсанными волосами остановился на пороге и смерил багаж холодным взглядом.

— Леди Элина, распоряжение герцога касалось необходимого.

Она закрыла крышку последнего сундука.

— Именно его я и беру.

— Три сундука не выглядят необходимостью.

— Для мужчины, у которого есть замок, слуги, жалование и ключи от кладовых, наверное, нет.

Управляющий поджал губы.

— Часть предметов может относиться к имуществу дома.

Элина взяла верхнюю шкатулку, открыла её и показала скромные украшения.

— Это было подарено мне лично?

Он помолчал.

— Вероятно.

— Вероятно, я беру это с собой.

Она указала на корзину.

— Это мои рукодельные принадлежности?

— Да, но...

— Я беру их с собой.

Потом на книги.

— Это стояло в моих комнатах?

— Леди Элина, вы усложняете простое распоряжение.

— Нет, я впервые делаю его точным.

В коридоре за спиной управляющего стояли двое слуг, готовые нести сундуки. Элина заметила, что один из них опустил взгляд, скрывая улыбку. Управляющий тоже заметил и стал ещё суше.

— Восточный флигель не подготовлен к проживанию.

— Тогда вы, безусловно, сожалеете, что сообщили мне об этом только сейчас.

— Там есть крыша, стены и очаг.

— Прекрасно. Уже больше, чем доброта этого дома.

Мира тихо кашлянула, будто подавилась воздухом.

Управляющий не стал спорить дальше. Возможно, решил, что женщина, которую всё равно выставляют в старую мастерскую, не стоит лишних усилий. Возможно, боялся, что Элина начнёт перечислять необходимое ещё громче и при свидетелях.

Путь до восточного флигеля прошёл через боковую галерею, затем вниз по холодной лестнице, через узкую дверь в садовую стену. Ночь встретила их ветром и запахом мокрой земли. Над замком висела низкая луна, размытая облаками, а далёкие башни казались чёрными зубцами на краю неба.

Элина закуталась в плащ. Трава под ногами была влажной, дорожка — неровной. Слуги несли сундуки молча, Мира шла рядом с корзиной в руках и всё время оглядывалась, будто боялась, что из кустов выйдет кто-то невидимый.

— Ты не обязана идти дальше, — сказала Элина.

— Я донесу вещи, госпожа.

— После этого тебя вернут в замок?

Мира кивнула.

— Управляющий сказал, что с завтрашнего дня я в прачечной.

Элина запомнила это. Не потому, что сейчас могла что-то изменить, а потому, что не хотела стать такой же, как люди в зале: слышать чужую беду и сделать вид, будто это всего лишь шум.

— Спасибо, что помогла.

Девушка посмотрела на неё растерянно.

— Мне не за что благодарить.

— Есть. Ты не смеялась.

Мира отвернулась, но Элина успела увидеть, как у той задрожали губы.

Восточный флигель появился за чёрными ветвями старых деревьев неожиданно. Когда-то он, наверное, был красивым: два этажа, высокая крыша, узкие окна, резной деревянный навес над входом. Но годы и равнодушие сделали своё. Камень потемнел, часть ставен перекосилась, плющ забрался почти до крыши, а вывеска над дверью висела на одной цепочке и тихо поскрипывала от ветра.

Элина подняла фонарь выше.

На выцветшей доске проступали буквы:

“Мастерская живых кукол дома Вальдов”.

Надпись должна была выглядеть смешной. Может быть, даже жуткой. Но Элина вдруг замерла, глядя на неё.

Мастерская.

Не комната для скучающей жены. Не кладовая для старого хлама. Не наказание, как думали в замке.

Мастерская — это место, где из обломков делают целое.

— Госпожа, — прошептала Мира, — может, подождём до утра?

Один из слуг поспешно перекрестил пальцы каким-то местным жестом и сделал вид, что просто поправляет рукав.

Элина подошла к двери. Ключ, выданный управляющим, оказался тяжёлым, потемневшим. Замок сопротивлялся так долго, что ей пришлось упереться плечом в створку. Наконец внутри что-то хрипло щёлкнуло, дверь подалась, и из темноты пахнуло пылью, сухим деревом и временем.

Не плесенью. Не гнилью. Именно временем, простоявшим слишком долго без человеческого голоса.

— Заносите, — сказала Элина.

Слуги переглянулись, но приказ выполнили. Фонари осветили широкий холл с каменным полом, лестницу на второй этаж, закрытые двери и длинный коридор, уходивший в глубину. По углам висела паутина. На полу лежали сухие листья, каким-то образом пробравшиеся внутрь. Возле стены стояла деревянная стойка с крючками, на одном из которых висела детская шляпка, покрытая серой пылью.

Мира поставила корзину и тихонько ахнула.

Из приоткрытой двери справа виднелась большая комната.

Элина взяла фонарь и вошла первой.

Мастерская занимала почти весь нижний этаж. Высокие окна были закрыты ставнями, но сквозь щели пробивался лунный свет. Вдоль стен стояли шкафы со стеклянными дверцами, длинные рабочие столы, манекены, прялки, ящики с фурнитурой, коробки с тканями. На полках сидели куклы.

Десятки кукол.

Фарфоровые и деревянные, тряпичные и резные, большие, почти с ребёнка ростом, и совсем маленькие, размером с ладонь. У одних не хватало рук, у других были пустые глазницы, третьи смотрели в темноту расписными лицами, такими спокойными, что становилось не по себе. Платья на них выцвели, кружево пожелтело, волосы спутались, но даже в запустении чувствовалось: когда-то их делали не для забавы.

Их создавали с уважением.

Элина поставила фонарь на стол и подошла к ближайшей кукле. Та сидела в маленьком кресле, склонив голову набок. Деревянное лицо потемнело, по щеке шла тонкая трещина, но линия губ была вырезана с такой живой насмешливостью, что Элина невольно наклонилась ближе.

— Какая работа, — прошептала она.

Пальцы сами потянулись к трещине. Не касаясь, Элина уже видела, как можно было бы восстановить поверхность: очистить, укрепить, подобрать тон, пройти тончайшей кистью, вернуть лицу глубину. Платье тоже поддавалось спасению. Швы разошлись на плече, но ткань держалась. Если распороть подкладку аккуратно, добавить новую основу, заменить ленту...

— Госпожа, не трогайте, — испуганно сказала Мира. — Вдруг она...

— Что?

Девушка посмотрела на куклу и понизила голос:

— Вдруг она смотрит.

Элина усмехнулась, но очень тихо.

— Мира, после сегодняшнего собрания меня смотрящими вещами уже не напугать. По крайней мере, кукла не притворяется родственницей.

Один из слуг за дверью издал странный звук, похожий на подавленный смехок, но быстро закашлялся.

Элина обернулась.

— Поставьте сундуки здесь. Дальше я сама.

— Но ночевать... — начала Мира.

— Здесь есть верхний этаж. Найду комнату.

— Госпожа, может, попросить хотя бы свечей и дров?

Элина посмотрела на холодный очаг у дальней стены. Дров там, конечно, не было. Свечи в старом канделябре сгорели до уродливых огарков. Управляющий сделал всё аккуратно: формально крыша и стены есть, а всё остальное — проблемы той, кого списали.

— Попросить можно, — сказала она. — Но не сейчас. Сейчас они будут наслаждаться тем, что я прошу. Завтра я составлю список так, чтобы им пришлось либо выполнить его, либо признать, что дом Вальдов оставил женщину без самого простого.

Мира смотрела на неё уже не только со страхом. В её взгляде появилось что-то новое, осторожное, почти восхищённое.

— Вы не такая, как раньше, госпожа.

Элина замерла.

Слова прозвучали тихо, без обвинения, но попали точно туда, где под кожей жила главная опасность. Она действительно была не такая. И если это заметила служанка, значит, заметят и другие.

Нужно быть осторожнее.

— Раньше я слишком долго надеялась, что молчание что-то исправит, — сказала Элина после паузы. — Сегодня убедилась, что оно только помогает другим говорить за меня.

Мира кивнула, принимая ответ. Или делая вид, что принимает.

Когда слуги ушли, флигель словно стал больше. Их шаги стихли за дверью, потом щёлкнула внешняя щеколда, и Элина осталась одна среди сундуков, пыли, лунного света и десятков кукольных лиц.

Нет, не одна.

Это ощущение пришло сразу. Слишком много глаз смотрело с полок. Нарисованных, стеклянных, вышитых, вырезанных, пустых. И хотя Элина упрямо повторяла себе, что после драконьего собрания кукольная мастерская — не худшее место на свете, затылок всё равно неприятно тянуло.

Она нашла в корзине свой огарок свечи, зажгла от фонаря и начала осматривать комнату. Рабочие столы были покрыты пылью, но инструменты лежали удивительно аккуратно. Ножи для резьбы, тонкие шила, иглы разных размеров, маленькие молоточки, катушки с потемневшими нитями, металлические коробочки с застёжками и крючками. В одном шкафу обнаружилось ткани, завёрнутые в плотную бумагу. Некоторые испортились от времени, но несколько отрезков сохранились прекрасно: тёмно-синий бархат, кремовый батист, плотная золотистая парча, тонкое кружево, похожее на замёрзший узор на стекле.

Элина коснулась кружева и вдруг почувствовала лёгкое покалывание в пальцах.

Не боль. Скорее ответ.

Она отдернула руку, потом нахмурилась и коснулась снова. Кружево лежало неподвижно, но где-то глубоко в нитях будто прошёл слабый тёплый вздох.

— Значит, магия, — тихо сказала она. — Хорошо. Будем считать, что я не схожу с ума, а расширяю профессиональные навыки.

В пустой мастерской её голос прозвучал странно, но помог. Вещи перестали казаться враждебными, когда она назвала их вслух.

Она открыла следующий ящик и нашла деревянные заготовки лиц. Каждое было вырезано вручную. Не идеально гладкое, не фабричное, а живое. У одной будущей куклы намечалась упрямая складка между бровями, у другой — мягкая улыбка, у третьей — чуть приподнятый подбородок. Элина поймала себя на том, что улыбается.

Вот это она понимала.

Можно не знать титулов, законов, драконьих родов и местной политики. Но дерево в руке, ткань на ладони, линия будущего лица — это язык, который не требовал перевода.

С верхней полки вдруг упала катушка.

Элина резко обернулась.

Катушка покатила по столу, описала неровный круг, остановилась у края и, немного подумав, свалилась на пол. Нить размоталась тонкой золотой линией и потянулась к её ногам.

Ветер? Нет, окна закрыты.

Неровный стол? Возможно.

Живые куклы? Очень смешно.

Элина наклонилась, подняла катушку и ощутила, что нить теплее, чем должна быть. Золотая, тонкая, почти невесомая, она легко легла между пальцами. На мгновение в голове вспыхнул не образ, а чувство: детский смех, запах выпечки, хлопок закрывающейся двери, чьи-то руки, завязывающие узел на кукольном платье.

Она выронила катушку.

Та не упала.

Повисла в воздухе на высоте её ладони, покачиваясь, словно её держали невидимые пальцы.

Элина медленно отступила на шаг.

— Так, — сказала она, стараясь сохранить голос ровным. — Если это приветствие, оно немного резкое.

Катушка мягко опустилась на стол.

На полке справа что-то скрипнуло.

Элина повернулась туда.

Та самая кукла с треснувшей щекой сидела в кресле, но теперь её голова была наклонена иначе. Она смотрела не в сторону, как раньше, а прямо на Элину.

Свеча затрепетала.

За окном шуршал плющ. Где-то в старых стенах поскрипывало дерево. Но Элина слышала только собственное дыхание и тихий, почти незаметный звук — словно маленькие деревянные пальцы коснулись подлокотника.

Она могла выбежать. Могла запереть дверь, вернуться к замку и потребовать другую комнату, пусть даже под насмешки. Могла убедить себя, что у неё был тяжёлый день и чужой мир окончательно решил проверить её на прочность.

Вместо этого она взяла фонарь и подошла ближе.

— Я Элина, — сказала она кукле. — Хотя, возможно, ты это уже знаешь лучше меня.

Кукла молчала.

Вблизи она оказалась ещё выразительнее. Трещина на щеке делала лицо не уродливым, а странно уязвимым. На платье висела старая бирка, почти истлевшая. Элина осторожно подняла её и разобрала вышитые буквы: «Ним».

— Ним, значит.

Кукольные веки дрогнули.

Элина перестала дышать на пару секунд, но заставила себя не отступить.

— Хорошо, Ним. Я сегодня не в лучшей форме для знакомства с ожившими предметами, но у меня, кажется, нет выбора. Если ты собираешься меня пугать, учти: я уже замужем за драконом, который выселяет женщин через совет рода. Планка высокая.

Тишина.

А потом кукла открыла глаза.

Не резко, не страшно, без театрального щелчка. Просто её нарисованные веки поднялись, и под ними обнаружились маленькие тёмно-золотые глаза, совсем не стеклянные. Живые. Умные. Уставшие.

Элина стояла перед ней с фонарём в руке и понимала, что мир окончательно перестал притворяться разумным.

Кукла медленно повернула голову. Дерево тихо скрипнуло. Маленькие губы, вырезанные с насмешливой складкой, шевельнулись.

— Наконец-то, — сказала Ним.

Глава 2. Мастерская под паутиной

Элина смотрела на куклу и думала, что за один день человек способен привыкнуть ко многому. К чужому лицу в зеркале. К замку, где её имя произносят так, будто это пятно на скатерти. К мужу-дракону, который при полном зале спокойно лишает её дома. Даже к тому, что мир внезапно оказывается не её миром, а она сама — не совсем собой.

Но к маленькой деревянной кукле с треснувшей щекой, которая открыла глаза и заговорила человеческим голосом, привыкнуть за пару вдохов не получалось.

— Наконец-то, — повторила Ним, будто Элина слишком долго молчала и этим нарушала правила приличия. Голос у куклы оказался негромким, суховатым и удивительно взрослым. Не писклявым, не детским, как можно было бы ожидать от существа ростом с локоть, а таким, каким говорят пожилые экономки, если им доверили дом, а потом бросили этот дом на произвол пыли.

Элина медленно поставила фонарь на рабочий стол. Пламя дрогнуло, осветило деревянное лицо, тонкие брови, вырезанные с почти насмешливым изгибом, маленькие руки на подлокотниках игрушечного кресла. Если бы не живые тёмно-золотые глаза, Ним можно было бы принять за старую авторскую куклу, редкую, дорогую, требующую бережной реставрации.

Если бы.

— Мне нужно уточнить, — сказала Элина после паузы. — Ты действительно только что заговорила?

— Нет, хозяйка. Это шкаф проявил вежливость, а я просто открыла рот для красоты.

Элина прикрыла глаза на секунду. Не от страха, а от странного облегчения. Кукла была живая, говорящая и, кажется, язвительная. В её нынешнем положении это почему-то выглядело почти утешительно. После родового собрания, где люди с живыми лицами вели себя как бездушные куклы, маленькая деревянная женщина с треснувшей щекой казалась более настоящей, чем весь замок.

— Хозяйка, значит, — повторила Элина. — Очень интересно. Сегодня мне уже официально объяснили, что хозяйкой я больше не являюсь.

Ним пошевелила пальцами. Движение получилось неловким, будто суставы давно не работали и теперь вспоминали, как должны сгибаться.

— Замок может называть вас как угодно. Замки вообще любят громкие слова, тяжёлые занавеси и мужчин, которые уверены, что если стукнуть печатью по бумаге, то мир сразу станет послушным. Мастерская слушает не печати.

Элина опустилась на край ближайшего стула. Стул скрипнул так жалобно, что она тут же выпрямилась, но мебель выдержала. Усталость накатила поздно, зато сразу всем весом: родовой зал, чужие взгляды, переселение, холодный флигель, магическая нить, живая кукла. Всё это было слишком много даже для женщины, которая в прежней жизни привыкла вытаскивать себя из неприятностей без чужой помощи.

— А кого она слушает? — спросила Элина.

Ним посмотрела на её руки.

— Ту, у кого нить отвечает на пальцы.

Элина невольно сжала ладони. На коже всё ещё помнилось тёплое покалывание золотой катушки.

— Это случайность.

— Случайность — это когда управляющий думает, будто может пройти мимо старой кладовой и не зацепиться рукавом за торчащий гвоздь. Нить не случайность. Нить выбирает. Дом Вальдов давно делал вид, что забыл об этом, но вещи, в отличие от людей, помнят лучше.

Кукла говорила так уверенно, что возражать было трудно. И всё же Элина пока не готова была принять на веру всё, что слышала от ожившей деревянной собеседницы. Особенно в мире, где утром она проснулась в чужой спальне, а вечером получила старую мастерскую вместо жизни.

Она поднялась, взяла свечу и медленно огляделась.

Теперь, когда первый страх отступил, мастерская раскрывалась иначе. В ней было не только запустение, но и порядок, спрятанный под слоем времени. Рабочие столы стояли так, чтобы свет из высоких окон падал слева. Инструменты лежали по размерам, в длинном ящике — иглы, шила, тонкие резцы, маленькие плоскогубцы, крючки и крошечные ключи. В другом ящике обнаружили катушки с нитями: золотые, серебряные, медные, чёрные, тёмно-зелёные, цвета старого вина. Каждая катушка была перевязана лентой с вышитым знаком.

Элина потянулась к ближайшей, но остановилась.

— Можно?

Ним склонила голову набок.

— Наконец-то хозяйка, которая спрашивает у мастерской, прежде чем хватать всё подряд. Уже лучше, чем последние три поколения Вальдов.

— Последние три поколения сюда приходили?

— Приходили. Оглядывались. Морщились. Один приказал вынести кукол во двор и сжечь, но у него внезапно заклинило дверную ручку, потом лестница решила, что сегодня она немного короче, чем обычно, а его любимая трость неделю пряталась в дымоходе. После этого Вальды предпочли называть мастерскую бесполезной и обходить стороной.

Элина не удержалась и посмотрела на тёмный дверной проём.

— То есть этот дом умеет возражать?

— Умеет. Просто чаще молчит. Молчание иногда полезнее крика, если тебя всё равно не слушают.

Эти слова кольнули неожиданно глубоко. Элина вспомнила Миру, шёпот в коридорах, прежнюю хозяйку этого тела, которая, судя по обрывкам памяти, тоже молчала годами. Молчала так долго, что её будто стёрли из собственной жизни.

— Молчание не всегда спасает, — сказала Элина.

— Нет, — согласилась Ним. — Но оно помогает дождаться того, кто сможет открыть дверь.

Элина коснулась катушки с золотой нитью. На этот раз тепло поднялось мягко, без всплеск чужих образов. Нить лежала спокойно, но в ней ощущалась упругая сила, как в хорошо натянутой струне. Не мёртвая вещь. Инструмент. Причём инструмент, который мог не только шить.

— Что это? — спросила она.

— Родовая нить. Самая старая из тех, что остались на виду. Ею не зашивают дыры на платьях, если вы вдруг собирались начать с хозяйственных подвигов.

— Дыры на платьях я могу зашить обычной.

— Прекрасно. Значит, у нас есть надежда.

Элина отмотала совсем немного и увидела, как тонкий золотой конец сам ложится вдоль её пальца, будто примеривается. Нить не резала кожу, не обжигала, но прислушивалась. Это было странное ощущение: словно кто-то не задавал вопрос словами, а ждал решения от её руки.

— Для чего она?

Ним прыгнула с кресла.

Элина машинально подалась вперёд, готовая поймать её, но кукла приземлилась на стол легко, только чуть качнулась. Деревянные ступни стукнули по поверхности, и этот крошечный звук почему-то окончательно убедил Элину: Ним не видение, не сон и не игра света.

Кукла подошла к краю стола, указала на дальнюю стену.

— Откройте третий шкаф. Тот, что с кривой дверцей. Только не дёргайте. Он обидчивый.

Элина взяла свечу и подошла к шкафу. Дверца действительно висела неровно, но на резной ручке ещё сохранился узор: маленькая ладонь, держащая иглу. Она потянула осторожно. Шкаф скрипнул, будто недовольно вздыхая, но открылся.

Внутри лежали куклы. Не на полках, как остальные, а в отдельных узких ящиках, выстланных потемневшим бархатом. У каждой на груди была вышита маленькая метка. Домик. Колыбель. Ключ. Чаша. Окно. Пламя. Весы. Нить.

Элина долго смотрела на них, не решаясь коснуться.

— Это не игрушки, — тихо сказала она.

— Конечно нет. Игрушки тоже бывают важнее, чем думают взрослые, но эти создавали не для забавы. Это хранительницы дома. Каждая помнит своё место, свой порог, свой голос, свою работу. Одни следили за очагом, другие за кладовыми, третьи за детскими комнатами, четвёртые за дверями. Были куклы для мастерских, для конюшен, для дорожных сундуков, для вдовьих домов, для девичьих комнат, для старых башен, где ветер любит притворяться шагами.

Элина осторожно выдвинула ящик с куклой, на груди которой был вышит ключ. Та оказалась совсем небольшой, в строгом сером платье, с плотно заплетёнными волосами из тончайшего льна. Лицо её было закрыто пылью, но ресницы сохранились удивительно хорошо.

— Они живые, как ты?

— Спят.

— Почему?

Ним помолчала. Впервые за разговор её насмешливость словно потускнела.

— Потому что мастерская осталась без настоящей хозяйки. Без рук, которые умеют не только брать, но и чинить. Без голоса, который даёт приказ не из гордости, а из понимания. Без дела. Куклы могут служить дому, но дом должен помнить, зачем они нужны. Вальды решили, что сила бывает только в когтях, огне и приказах. А то, что держит стены изнутри, сочли женскими пустяками.

Элина провела большим пальцем по краю ящика. На коже осталась пыль.

В её прежнем мире тоже легко обесценивали то, что делалось руками. Могли восхищаться готовой работой, но не понимать, сколько часов ушло на шов, на подбор ткани, на реставрацию лица, на то, чтобы старая вещь не стала новой, а осталась собой, только спасённой от разрушения. Труд, который не гремит, часто принимают за безделицу.

— Значит, мастерская умерла от пренебрежения, — сказала она.

— Не умерла. Обиделась.

— Существенная разница?

— Огромная. Мёртвое не ждёт. Обиженное ждёт очень долго и потом припоминает.

Элина впервые за ночь улыбнулась почти по-настоящему.

— Надеюсь, она не собирается припоминать мне.

Ставни у дальнего окна тихо стукнули. Не от ветра; скорее в ответ. Элина повернула голову, и ей показалось, что дом прислушивается. Старые стены, шкафы, лестница, закрытые двери — всё будто замерло в ожидании, что она скажет дальше.

И вдруг ей стало ясно: она не просто получила помещение. Её втокнули в место, которое само было живым, забытым и униженным почти так же, как женщина, которую сюда сослали.

Она поставила свечу на стол.

— Хорошо. Допустим, я вам подхожу. Что нужно мастерской сейчас?

Ним посмотрела на неё так, будто этот вопрос имел большее значение, чем весь родовой совет Вальдов.

— Порядок. Свет. Огонь в очаге. Чистые окна. Пересчитанные инструменты. Разобранные нити. И первая починка.

— Твоя щека?

Кукла резко отвернулась.

— Моя щека подождёт.

— Это “подождёт” звучит так, будто не подождёт.

— Хозяйка, вы едва стоите на ногах.

— А ты едва держишь голову прямо.

Ним оскорблённо выпрямилась. Получилось не очень убедительно, потому что трещина действительно уходила от скулы к шее, и при движении что-то в деревянной основе едва слышно щёлкнуло. Элина заметила это сразу. Рука мастера видела повреждения быстрее, чем разум успевал испугаться.

Она вернулась к столу, подвинула фонарь ближе и освободила место, смахнув пыль краем старой тряпки. Тряпка тут же расплзлась в руках, будто тоже была оскорблена годами безделья.

— Мне нужна чистая ткань, тонкая кисть, мягкий клей... — Элина осеклась.

Ним прищурилась.

— Что такое клей — знаю. Что такое мягкий клей — зависит от того, насколько вы собираетесь спорить с местными материалами.

— Я пока не знаю ваших составов, — призналась Элина. — В моём... в тех местах, где я училась, для реставрации дерева использовали разные основы. Здесь, видимо, придётся разбираться заново.

— В нижнем ящике справа есть связующий воск. Не для грубых заплат, а для тонких трещин. Только не берите тёмный. Тёмный для дверных печатей, он делает вещи упрямыми.

— Более упрямыми, чем ты?

— Я не вещь.

Элина посмотрела на неё поверх стола.

— Тогда не называй меня только хозяйкой. Меня зовут Элина.

Ним замолчала.

Это молчание было другим. Не язвительным и не сторожким. В нём будто что-то дрогнуло.

— Имя хозяйки нельзя произносить без позволения, — сказала кукла тише.

— Я разрешаю.

— Вы не понимаете, что разрешаете.

— Возможно. Сегодня это вообще главный мотив моей жизни. Но если мы собираемся вместе поднимать мастерскую из пыли, мне будет странно разговаривать с тобой, как с табулетом.

— Табуреты тоже обижаются.

— Значит, с ними я тоже буду вежлива.

Ним смотрела на неё долго. Потом медленно кивнула, и Элине показалось, что золотые глаза куклы стали чуть ярче.

— Элина, — произнесла она осторожно, будто пробуя имя на прочность. — Тогда достаньте связующий воск. И серебряную иглу. Нет, не ту, что с узким ушком. Слишком гордая. Возьмите вторую.

— Игла гордая?

— Если вы начнёте задавать такие вопросы каждый раз, мы до рассвета не закончим.

Элина достала нужный ящик и обнаружила, что Ним не преувеличивала. Внутри лежали аккуратные бруски полупрозрачного воска разных оттенков, каждый в отдельном углублении. Рядом — иглы, тонкие кисти, маленькие лопаточки, мягкие полоски ткани, зажимы, похожие на крошечные серебряные прищепки. Для человека, который ещё полчаса назад боялся, что ему придётся ночевать в пустом флигеле без самого простого, это было почти богатством.

Элина зажгла ещё два огарка, нашла старую лампу и с трудом привела её в порядок. Пламя получилось слабым, но рабочий стол уже не тонул в полутьме. Ним сама уселась на сложенное полотенце, однако позволила Элине поддержать её голову, когда та осматривала повреждение.

Вблизи трещина оказалась не простой. Дерево не только лопнуло; внутри, под верхним слоем, проходила тонкая золотая линия, похожая на нить, вросшую в основу. В месте разрыва эта линия потускнела.

— Тебя кто-то уронил? — спросила Элина.

— Меня бросили.

Рука Элины остановилась.

— Кто?

— Одна из прежних хозяек. Не настоящих. Таких, что приходили сюда с ключом и страхом. Она думала, если разбить первую куклу, остальные замолчат. Остальные действительно замолчали. Но не из-за неё.

Ним говорила ровно, но Элина слышала под этой ровностью старую обиду. Странно было видеть её в кукле, но ещё страннее — не верить. Вещи, созданные с душой, в прежнем мире тоже словно помнили чужие руки. Одни — бережные. Другие — жестокие. Только там это оставалось ощущением. Здесь ощущение получило голос.

— Я не буду тебя бросать, — сказала Элина.

— Не обещайте слишком быстро. Люди любят давать обещания, пока им тепло и страшно.

— Мне холодно и страшно. Так что обещание считается более честным.

Ним тихо фыркнула, и от этого движения трещина снова щёлкнула.

— Не двигайся.

— Вы командуете так, будто родились в мастерской.

— Я родилась не здесь. Но в мастерских вообще-то нельзя дёргаться, если мастер держит инструмент у твоего лица.

Это прозвучало слишком близко к правде о её прежней жизни. Элина на миг увидела свою старую комнату: стол у окна, лампу с гибкой ножкой, коробки с глазами для кукол, рулоны тканей, маленькую чашку с остывшим чаем, сообщение от арендодателя, которое она тогда так и не открыла до конца. Мир, где не было драконов, но хватало людей, умеющих равнодушно отнимать дом.

Сердце сжалось, но не сломалось. Она не позволила себе утонуть в воспоминании. Сейчас перед ней была Ним, трещина, золотая линия и первая работа в этом мире.

Элина согрела воск над свечой, как подсказала кукла, нанесла тончайший слой на край повреждения, потом взяла серебряную иглу. Та оказалась удивительно удобной. Легла в пальцы будто сделанная для неё, и на секунду Элина почувствовала, как в комнате стихли даже шорохи. Шкафы, столы, куклы на полках — всё ждало.

— Дальше нить, — сказала Ним. — Золотую. Совсем немного.

— Я не умею вашей магии.

— Зато умеете чинить. Иногда это одно и то же.

Элина вдёрнула золотую нить в иглу. Нить прошла легко, хотя ушко было крошечным. Первый стежок дался труднее: рука знала дерево, ткань, натяжение, но не знала живую магию. Когда игла коснулась трещины, золотая линия под поверхностью вспыхнула и мягко потянулась навстречу.

Элина едва не отдёрнула руку.

— Продолжайте, — прошептала Ним.

Теперь без насмешки.

И Элина продолжила.

Стежок за стежком, очень медленно, почти не дыша, она соединяла не просто края трещины. Нить ложилась в дерево, исчезала под поверхностью, оставляя едва заметное сияние. Воск принимал её, словно тёплая земля принимает корень. Кукла сидела неподвижно, только пальцы её иногда сжимались на краю полотенца.

За окнами ночь постепенно светлела. Где-то вдалеке, за садовой стеной, замок жил своей жизнью: возможно, там тушили свечи после собрания, обсуждали дерзость изгнанной жены, смеялись над старым флигелем. Здесь же время шло иначе — по длине нити, по глубине трещины, по осторожному движению руки.

Когда Элина закончила, у неё дрожали пальцы. Не от слабости, а от предельного напряжения. Она отложила иглу и поднесла свечу ближе.

Трещина не исчезла полностью. На щеке Ним осталась тонкая линия, но теперь она выглядела не разломом, а шрамом на старом дереве, аккуратно сохранённым и укреплённым. Золотая искра прошла вдоль края и погасла.

Ним подняла руку и осторожно коснулась лица.

— Больно? — спросила Элина и тут же нахмурилась. — То есть неприятно?

— Нет, — тихо ответила кукла. — Тепло.

Она повернула голову вправо, потом влево. Больше ничего не щёлкало.

Элина выдохнула.

— Значит, получилось.

Ним смотрела на неё так, что насмешливость на её лице впервые не спасала от настоящего чувства.

— Последний раз меня чинила настоящая мастерица сто семь лет назад.

Сто семь.

Элина осторожно села на стул, потому что колени решили напомнить о прожитом дне.

— Сколько лет этой мастерской?

— Дольше, чем роду нравится помнить. Первые Вальды не строили её. Они получили её вместе с землёй, когда пришли сюда со своими драконьими клятвами и решили, что всё вокруг теперь принадлежит им. Мастерская позволила им остаться, потому что первая хозяйка заключила с первым драконом честный договор.

— Какой договор?

Ним прыгнула с полотенца и подошла к старой книге, лежавшей на нижней полке под столом. Книга была такая большая, что кукла не смогла бы поднять её сама, но стоило ей коснуться обложки, как та слегка выдвинулась. Элина помогла, положила книгу на стол и смахнула пыль.

На обложке не было названия. Только знак: ладонь, игла и драконья чешуя, соединённые одной нитью.

— Это книга заказов? — спросила Элина.

— И долгов. И обещаний. И тех работ, за которые мастерская принимала плату не монетой.

— Мне уже не нравится последняя часть.

— Вам многое здесь не понравится. Но если будете слушать, выживете.

Элина открыла книгу. Страницы оказались плотными, с чуть шероховатой поверхностью. Записи шли разными почерками, некоторые почти выцвели, другие были удивительно ясными. Она не знала местной письменности, но тело Элины, к счастью, знало. Буквы складывались в слова без усилий.

“Кукла для северной двери. Защита от чужого шага.”

“Хранительница детской комнаты. Память о колыбельной.”

“Пороговая кукла для вдовьего дома. Оплата: три мотка льна, два серебряных ключа, честное имя заказчицы.”

“Кукла для малого наследника Вальдов. Не завершена.”

Элина остановилась.

— Малого наследника? У Рейнара есть ребёнок?

Ним нахмурилась, насколько позволяло деревянное лицо.

— Нет. Запись старая. До Рейнара. Дом Вальдов любит повторять одни и те же ошибки, но дети здесь давно не задерживаются в смехе. Слишком много гордости, слишком мало тепла.

Элина не стала расспрашивать дальше. Тема была слишком тяжёлой для первой ночи, а её собственная память пока не давала опоры. Она перелистнула страницу и увидела более поздние записи. Почерк стал резким, небрежным, будто человек писал не для дела, а для отчёта.

“Мастерская закрыта по распоряжению управляющего.”

“Куклы признаны бесполезными.”

“Расходы на содержание прекращены.”

Ним стояла подпись, от которой Элина похолодела.

Орган Ливер. Управляющий дома Вальдов.

Тот самый сухой мужчина, который меньше часа назад пытался оставить её почти без вещей.

— Он закрыл мастерскую? — спросила она.

— Он поставил печати. Не первый начал, но очень старательно продолжил.

— Зачем управляющему закрывать место, которое может приносить пользу дому?

Ним посмотрела в сторону тёмного окна.

— Потому что мастерская слушает хозяйку. Не управляющего. Не совет. Не мужчину с гербом на перстне. Хозяйку. Для некоторых это невыносимо.

Элина медленно провела пальцем по записи. Вот оно. Первое настоящее зерно причины. Её не просто сослали в старый флигель для унижения. Её отправили в место, которое кто-то намеренно держал закрытым. Возможно, Рейнар и сам не понимал, что отдаёт ей. Возможно, понимал меньше, чем должен был.

А может, его очень удобно убедили, что мастерская — пустое, смешное, бесполезное место.

— Если я стану здесь работать, это кому-то не понравится, — сказала Элина.

— Уже не понравилось. Мастерская открыла дверь. Нить ответила. Я проснулась. Уверяю вас, к утру некоторые печати почувствуют себя крайне неудобно.

Как раз в этот момент где-то в глубине дома глухо треснуло.

Элина подняла голову.

— Это была одна из печатей?

— Или шкаф на втором этаже решил высказать мнение. Но, скорее всего, печать.

— Прекрасно, — пробормотала Элина. — Я только появилась в этом мире и уже порчу имущество управляющего.

— Не имущество. Запоры на чужом горле.

Слова прозвучали резко, и мастерская будто отозвалась: в шкафах тихо звякнули металлические крючки, одна из кукол на верхней полке слегка повернула голову, хотя глаз не открыла. Элина это заметила. Ним тоже.

— Они просыпаются? — спросила Элина.

— Прислушиваются. Для пробуждения каждой нужен смысл. Нельзя просто приказать: живи. Нужно понять, зачем ей вставать.

Элина закрыла книгу заказов и посмотрела на комнату уже другими глазами. Это была не куча старых вещей. Это была спящая система, ремесленное сердце дома, которое когда-то держало быт, память, безопасность и справедливость. Власть Вальдов была в драконьей крови, но повседневная жизнь, возможно, держалась вот на этих маленьких руках, стежках, печатях и узорах.

И если она сумеет это восстановить...

Мысль была дерзкой. Почти смешной. Женщина без денег, без поддержки, без понимания здешних законов, ночью, в холодном флигеле, рядом с ожившей куклой, уже думает о деле.

Но именно эта мысль впервые за сутки не пахла поражением.

— Мне нужно знать, что у меня есть, — сказала Элина. — Ткани, инструменты, нити, заготовки, рабочие комнаты, спальня, очаг, вода, кладовая, входы, окна. Нужно составить список.

Ним моргнула.

— Сейчас?

— А когда? Лечь на пол и поплакать я всегда успею.

— На полу пыльно.

— Вот именно. Значит, сначала список, потом уборка, потом сон. Или сон, потом уборка. Посмотрим, кто из нас упадёт первым.

— Я не падаю. Я эффектно размещаюсь.

— Запишем как полезное качество.

Элина нашла в одной из своих корзин тетрадь, принадлежавшую прежней Элине, вырвала чистый лист не без внутреннего сожаления и достала карандаш. Писать при слабом свете было неудобно, но возможно. Она разделила страницу на несколько частей: “жильё”, “инструменты”, “материалы”, “куклы”, “срочно”, “опасности”, “деньги”.

На слове “деньги” рука задержалась.

Сундуки с личными вещами, несколько украшений, неизвестное содержание, которое могло так и остаться обещанием, и мастерская, о которой все думали как о наказании. Если завтра ей не дадут дров, свечей, еды и хотя бы минимальной помощи, нужно будет быстро понять, что можно продать, а что нельзя ни в коем случае. Но продавать украшения сразу — значит показать слабость. Просить у Рейнара — значит дать ему право снова решать, насколько она заслуживает.

— Куклы можно делать на заказ? — спросила она.

Ним медленно повернулась.

— Можно. Если есть заказчик. Если есть смысл. Если есть плата. Если мастерская согласится.

— А если заказчик из замка?

— Особенно если из замка. Там слишком много комнат, которые забыли, как быть домом.

Элина записала: “первый заказ”. Потом, подумав, добавила: “не брать даром”.

Ним заглянула в лист.

— Вы хотите брать плату?

— Я хочу есть, греться и не зависеть от милости людей, которые сегодня радовались моему падению. Так что да, хочу брать плату.

— Настоящая хозяйка.

— Практичная женщина.

— Это почти одно и то же.

Элина усмехнулась, но улыбка быстро погасла. Она вспомнила Миру. Прачечная с завтрашнего дня. Наказание за то, что помогала. Или просто обычная перестановка, в которой никто не увидит наказания, кроме самой Миры.

— Слуги боятся мастерской, — сказала Элина. — Но если кому-то из них нужна помощь, они могут прийти?

— Если осмелятся.

— Нужно сделать так, чтобы осмелились.

— Вы хотите начать не с благородных заказов, а со слуг?

— Благородные пока будут смотреть, как я падаю. Слуги уже видели, как я собирала вещи. Они знают, что я не смеялась над ними. Иногда доверие начинается не с титула.

Ним снова долго смотрела на неё. Потом очень тихо произнесла:

— Первая хозяйка тоже начала со служанки.

Элина подняла глаза.

— И что случилось потом?

— Потом первый дракон понял, что замок держится не на тех, кто громче говорит в зале.

За окном медленно серело. Ночь не ушла полностью, но темнота стала рыхлой. В высоких щелях ставен проступил холодный предрассветный свет, и мастерская показалась ещё более запущенной: пыль на полу, паутина на люстре, тёмные углы, сломанные манекены, куклы, сидящие в ожидании. Но теперь это запустение не давило. Оно требовало работы.

Элина поднялась и подошла к очагу. Дров не было, зато рядом обнаружилась старая корзина с обломками сухих планок, вероятно, от какого-то разбитого ящика. Она присела, выбрала несколько кусков, проверила, нет ли на них резьбы или знаков.

— Это можно сжечь?

— Если хотите, чтобы старый ящик наконец почувствовал себя полезным, — сказала Ним. — Да.

Развести огонь оказалось сложнее, чем в книгах. Свеча коптила, сухие планки не сразу занялись, дым полез в комнату, потому что заслонка в очаге за годы застряла. Элина возилась с ней, испачкала руки сажей, чихнула от пыли, чуть не уронила кочергу, но всё-таки добилась тонкого, неуверенного пламени. Когда первые язычки огня заскользили по дереву, мастерская будто выдохнула.

Не метафорически.

По комнате действительно прошёл тёплый вздох. Пыль на столах едва заметно дрогнула. На полках тихо звякнули стеклянные глаза в коробочках. Где-то за стеной щёлкнул замок.

Элина обернулась.

— Что открылось?

Ним прислушалась.

— Кладовая с тканями. Или комната выкроек. По звуку — что-то довольное.

— У комнат бывает довольный звук?

— У хороших комнат — да.

Элина посмотрела на свои испачканные ладони и вдруг рассмеялась. Тихо, устало, почти беззвучно. Её выставили из замка, лишили положения, отправили в пыльный флигель, оставили без слуг и тепла, а она на рассвете разводит огонь из обломков старого ящика и обсуждает настроение комнат с ожившей куклой. Если бы кто-то рассказал ей это вчера, она решила бы, что у человека слишком богатое воображение.

Но смех помог. Он не был весёлым, зато был живым.

— Что? — спросила Ним с подозрением.

— Ничего. Просто я, кажется, впервые за день делаю что-то полезное, а не выслушиваю, чем я не угодила дому Вальдов.

— Дому Вальдов вы как раз, возможно, угодили.

— Замку — вряд ли.

— Замок не весь состоит из тех, кто сидит в родовом зале.

Элина хотела ответить, но в этот момент у входной двери раздался стук.

Не громкий. Осторожный. Три коротких удара, пауза, ещё один.

Обе замолчали.

Свет за окнами был ещё слишком слабым для обычных визитов. Слуги в такую пору не стали бы стучать в проклятую мастерскую без причины. Управляющий, будь это он, не постучал бы так осторожно. Рейнар не стал бы ждать у двери, словно опасался потревожить.

Элина взяла фонарь.

— Спрячься? — шепнула она Ним.

Кукла фыркнула.

— Я сто семь лет пряталась. Надоело.

И всё же она отступила за катушки, так что из темноты были видны только её золотые глаза.

Элина прошла через холл. Под ногами скрипели доски, в воздухе держался запах пыли и первого огня. Стук повторился — теперь чуть тревожнее.

Она открыла не сразу. Сначала посмотрела в узкое боковое окошко, почти полностью затянутое плющом.

На крыльце стояла Мира.

Без плаща, в рабочем платье, с растрёпанными волосами и маленьким свёртком, прижатым к груди. Лицо у неё было бледным, глаза — испуганными, но не от флигеля. От чего-то другого.

Элина отодвинула засов и открыла дверь.

— Мира? Что случилось?

Девушка переступила порог, но дальше не пошла. Она оглянулась на садовую дорожку, будто боялась, что её увидят из замка, потом протянула Элине свёрток.

— Госпожа, простите. Я не должна была приходить. Но на кухне... там все говорят, что это из-за вас, потому что мастерская открылась. Я не поверила. То есть испугалась, но не поверила.

— Спокойно. Что на кухне?

Мира развернула ткань.

Внутри лежала маленькая кукла — простая, кухонная, с вышитым на груди знаком чаши. У неё была оторвана одна рука, а через лицо тянулась грубая чёрная нить, завязанная узлом прямо на губах.

Элина почувствовала, как за спиной в глубине мастерской резко стихли все шорохи.

Ним вышла из тени.

Мира увидела её, побледнела ещё сильнее, но не закричала. Только прижала ладонь ко рту.

Кукла с треснувшей щекой смотрела не на девушку, а на изуродованную хранительницу в свёртке. Её золотые глаза стали тёмными.

— Это не из-за мастерской, — сказала Ним. — Это потому, что кто-то очень не хочет, чтобы она проснулась.

Глава 3. Первая кукла для чужого дома

Мира стояла на пороге восточного флигеля так, будто за её спиной уже сомкнулась ловушка, а впереди оставался только выбор: поверить страшной мастерской или вернуться туда, где страшными были люди.

Элина сразу заметила, как девушка держит свёрток. Не просто прижимает к груди, а закрывает собой, словно виноватое, искалеченное маленькое существо могло пострадать ещё сильнее от чужого взгляда. На ткани темнели следы копоти, на краю прилипли крошки муки, а из-под складки выглядывала крошечная деревянная ножка.

Кукла-хранительница кухни лежала в свёртке неподвижно. Одна рука была оторвана так грубо, что место крепления напоминало не поломку, а вывороченный узел. Через лицо тянулась чёрная нить, завязанная на губах плотным, злым узлом. Неаккуратным — намеренно грубым. Так не чинят. Так затыкают.

— Закрой дверь, — тихо сказала Элина.

Мира вздрогнула, будто только сейчас вспомнила, что стоит на открытом пороге, за которым светлел сад и начинался замок с его окнами, слухами и чужими глазами. Она торопливо шагнула внутрь, Элина задвинула щеколду, и флигель тут же стал отдельным миром — пыльным, холодным, неустроенным, но своим.

Ним подошла ближе. Её маленькие деревянные ступни негромко постукивали по полу, и при каждом шаге Мира бледнела всё сильнее, однако не отступала. Она смотрела на ожившую куклу с ужасом, но в этом ужасе было меньше отвращения, чем надежды. Видимо, после ночи на кухне даже говорящая деревянная хранительница казалась не самой большой странностью.

— Положи её на стол, — сказала Элина.

— Госпожа, я... я не украла, — быстро произнесла Мира. — То есть вынесла без спроса, но не для себя. Её собирались выбросить в мусорный ящик за чёрным ходом. Старшая кухарка сказала, что от этой дряни теперь одни беды и лучше бы все старые куклы давно отправили в печь. А потом в кладовой снова упала полка, и все закричали, что это из-за мастерской, потому что Вы её открыли.

— Ты правильно сделала, что принесла.

Мира моргнула, будто ожидала совсем другого.

— Правда?

— Правда. Сломанную вещь нельзя выбрасывать только потому, что кто-то испугался собственной небрежности.

Ним фыркнула.

— Иногда собственная небрежность ещё и носит ключи на поясе, отдаёт распоряжения и считает себя важной частью хозяйства.

— Управляющий? — спросила Элина.

— Я не называла имён.

— Ты произнесла его описание почти с табличкой на груди.

Мира смотрела то на Элину, то на Ним, и страх на её лице понемногу уступал место растерянности. Кажется, девушка не понимала, можно ли удивляться живой кукле, если госпожа разговаривает с ней так, будто спорит с очень маленькой, очень ворчливой родственницей.

Элина осторожно приняла свёрток и перенесла кухонную куклу на рабочий стол. Та оказалась тяжелее, чем выглядела. Не из-за размера, а из-за плотной внутренней основы: дерево, ткань, маленькие металлические детали, пучки нитей под платьем, несколько спрятанных в швах узоров. На груди действительно был вышит знак чаши — простой, тёплый, домашний. По краю фартука шёл орнамент из маленьких квадратов, похожих на плитки пола, а на подоле — ряд крошечных ключей и ложек.

Кухонная хранительница должна была следить за порядком. За тем, чтобы вещи лежали на местах, очаг слушался рук, кладовые не забывали счёт, а люди помнили, что дом начинается не с гербового зала, а с места, где утром поднимается первый пар от горячей воды.

Элина поймала себя на этом понимании и нахмурилась.

Она не знала, откуда пришла мысль. Не из прежней жизни — там не было кукольных оберегов с вышитыми чашами. Не из памяти прежней Элины — та была слишком мутной, обрывочной. Значит, мастерская действительно говорила с ней. Не словами, а смыслом, который рождался от прикосновения к вещи.

— Как её зовут? — спросила Элина.

Мира опустила взгляд.

— На кухне её называли Чашка. Не знаю, настоящее ли это имя.

Ним поджала губы.

— Имя простое, но не плохое. Кухонные куклы любят понятные имена. В них меньше гордости и больше дела.

— Что с ней произошло? — спросила Элина, не отрывая глаз от чёрной нити.

Мира обхватила себя руками. В утреннем полумраке она выглядела совсем юной и замёрзшей, хотя в мастерской уже тлел огонь.

— Всё началось после того, как Вас сюда переселили. Сначала в кухне сами распахнулись два шкафа. Потом с полки упала связка медных крышек, хотя её туда вчера убрали крепко. Старшая кухарка закричала на помощниц, помощницы на мальчишку, который носит воду, мальчишка расплакался, а потом пропал мешок крупы из кладовой. Его нашли под лестницей, весь рассыпанный. Все решили, что это плохой знак.

— А кукла?

— Она стояла у печной стены много лет. Никто на неё почти не смотрел. Только старшая кухарка иногда ворчала, что старые хозяйки любили всякий хлам. Утром Чашка лежала на полу. Рука отдельно. А на лице вот это.

Мира указала на чёрную нить и тут же убрала палец, словно боялась коснуться.

Элина наклонилась ниже. Нить была грубой, шероховатой, совсем не похожей на живые нити мастерской. В ней не чувствовалось тепла. Наоборот, от неё шёл сухой холод, неприятный не телу, а внутреннему слуху. Хотелось не просто снять её, а вымыть руки после одного взгляда.

— Не трогайте узел голыми пальцами, — предупредила Ним.

Элина посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что он завязан не для ткани. Он завязан на голос. Если потянуть неправильно, можно повредить то, что у куклы осталось внутри.

Мира тихо охнула.

— Она живая?

— Спит, — ответила Ним. — И задыхается в тишине. Не человечески, не хватается за сердце, девочка. Но для куклы-хранительницы молчание против её воли — почти то же самое, что для дома запёртая дверь без ключа.

Элина молча отодвинула от стола всё лишнее: старую книгу заказов, пустую катушку, огарок свечи, полоски ткани, которые остались после починки Ним. Усталость никуда не ушла, но отступила вглубь. Перед ней была работа, а работа всегда умела выпрямлять спину лучше любых утешений.

— Мира, мне нужна чистая вода, — сказала она и тут же остановилась. — Вода здесь есть?

— Во дворе должен быть колодец, госпожа. За флигелем. Но я не знаю, работает ли.

Ним кашлянула так выразительно, как только могла кукла.

— Работает. Колодец старый, но не ленивый. В отличие от некоторых живых.

— Тогда ведро?

— В сенях, под лавкой. Если управляющий не унёс его как предмет роскоши.

Мира рванулась выполнять, но Элина подняла руку.

— Подожди. Ты босиком почти по росе бежала?

Девушка смутилась и спрятала ступни под подолом. Обувь на ней была, но такая тонкая и промокшая, что от неё почти не было пользы.

— Я боялась, что меня увидят, если пойду через главный двор.

Элина взглянула на сундуки у стены. Вчера она забрала две пары простых туфель, почти не надеясь, что они пригодятся сразу. Теперьгодились.

— Открой средний сундук. Там должны быть тёплые чулки и старые туфли без вышивки. Возьми.

Мира застыла.

— Госпожа, нельзя.

— Почему?

— Это Ваше.

— Именно поэтому я могу решить, что с этим делать.

— Но я пришла просить, а не брать.

— Ты пришла с первым заказом в мастерскую. А хороший заказчик не должен падать от холода раньше, чем мастер закончит работу.

Мира всё ещё колебалась. В её лице было столько привычки не брать лишнего, не тянуть руку, не верить доброте без подвоха, что Элина почувствовала неприятное родство. Прежняя Элина, возможно, тоже так стояла перед подачками замка: не желая, но не имея сил отказать.

— Это не милость, — сказала Элина мягче. — Это часть оплаты за то, что ты принесёшь воду и расскажешь мне всё честно. Договорились?

Девушка кивнула. Очень осторожно, будто слово “договорились” было для неё чем-то непривычно равным.

Пока Мира доставала чулки, Элина нашла в ящике тонкие зажимы, маленькие ножницы, серебряную иглу, светлый связующий воск и обычную прочную нить цвета небелёного льна. Золотую брать не спешила. Родовая нить казалась слишком сильной для работы, смысл которой она ещё не понимала до конца. Ним наблюдала за ней с края стола и, к удивлению, не поправляла каждое движение.

— Если я сделаю ошибку, говори сразу, — сказала Элина.

— Ошибка ошибке рознь. Некоторые полезно сделать самой.

— Не с живой куклой на столе.

— Тогда не режьте чёрную нить. Сначала найдите, где она закреплена.

Элина взяла увеличительное стекло в потемневшей оправе. Оно лежало в ящике с мелкими инструментами и, как многое здесь, оказалось удобнее, чем выглядело. Через стекло чёрная нить стала похожа на грубую верёвку, протянутую не только по лицу Чашки, но и сквозь ткань у затылка. Узел на губах был показным. Настоящее крепление пряталось под волосами из льняных нитей.

— Кто-то хотел, чтобы все смотрели на рот, — произнесла Элина.

— А умные руки смотрят на затылок, — одобрила Ним.

Мира вернулась с водой, уже в сухих чулках и старых туфлях Элины. Туфли были чуть велики, но девушка ступала в них бережно, как в драгоценность.

— На кухне кто-нибудь мог сделать такое? — спросила Элина, не поднимая глаз.

— Не знаю. Там все ругаются, но чтобы так... — Мира сглотнула. — Старшая кухарка грозилась выбросить Чашку давно. Говорила, что от неё только пыль. Но она бы, наверное, просто велела вынести. А это... это будто кто-то хотел, чтобы кукла замолчала.

— Кухонная хранительница могла что-то видеть? — спросила Элина у Ним.

— Кухонные видят всё, что падает, пропадает, прячется не на своё место и возвращается чужими руками. Если на кухне давно что-то исчезает, Чашка могла знать, кто берёт.

Мира вспыхнула.

— У нас правда пропадает. Не много сразу, но постоянно. То мешок муки окажется неполным, то связка свечей исчезнет, то медные формы найдутся в чулане, хотя их туда никто не относил. Старшая кухарка ругает младших, младшие клянутся, что не брали. Иногда вещи возвращаются, но уже испорченные. Из-за этого все ссорятся.

Элина опустила стекло.

Вот оно. Первый заказ не просто «починить куклу». Нужно было вернуть кухне порядок и понять, кто делает хаос выгодным. И если мастерская правда слушает смысл, то Чашка проснётся не ради красоты и не ради благодарности, а ради своего дела.

— Значит, заказ формулируем так, — сказала Элина. — Вернуть кухонной хранительнице возможность следить за порядком и помочь найти причину пропав.

Мира испуганно посмотрела на Ним.

— Я не знаю, чем платить. У меня почти ничего нет. Только... — Она полезла в карман фартука и достала маленькую завёрнутую тряпицу. — Вот. Это моё. Медная пуговица от маминого платья и две катушки хороших ниток. Я прятала их на случай, если придётся чинить одежду. Ещё могу работать после кухни, мыть полы здесь или носить воду.

Элина посмотрела на скромный свёрток и вдруг остро, почти до боли, захотела отказаться. Нельзя брать с девчонки, которую и так гоняют по замку, последнюю память и запасные нитки. Но в голове тут же прозвучали собственные слова: «не брать даром». Если она сейчас скажет «ничего не надо», то сделает заказ милостыней, а Миру — просительницей. А мастерская, кажется, не любила ни милостыню, ни ложную щедрость.

— Пуговицу оставь себе, — сказала Элина. — Нитки я возьму одну катушку. Вторую оставь для одежды. И ещё плата: ты принесёшь мне список того, что чаще всего пропадает на кухне. Не слухи, а точно. Что исчезло, когда, кто заметил, где потом нашли, если нашли. Сможешь?

Мира кивнула так быстро, что растрепавшаяся прядь упала ей на лоб.

— Смогу. Я умею запоминать.

— Вот это ценнее пуговицы. Договор заключён?

Элина почему-то посмотрела на Ним. Кукла кивнула, и где-то под рабочим столом тихо звякнуло, словно маленький невидимый колокольчик отметил первую запись.

Книга заказов сама раскрылась.

Мира отшатнулась, но Элина уже не удивилась. Толстые страницы перевернулись до чистого места, по бумаге пробежал слабый золотистый отсвет, и на верхней строке проступили слова:

“Кухонная хранительница Чашка. Заказ принят.”

Ниже появилось: “Плата: одна катушка крепкой нити. Память о пропажах. Три ведра воды для мастерской.”

Элина прочитала и усмехнулась.

— Мастерская практичнее меня.

— Мастерская давно ждала возможности составлять счета, — сказала Ним. — Не лишайте её удовольствия.

Мира смотрела на раскрытую книгу так, будто перед ней не запись, а знак, что её испуг и ночной риск были не глупостью.

— Значит, она правда поможет? — прошептала девушка.

— Сначала попробуем помочь ей, — ответила Элина. — А потом посмотрим, что Чашка вспомнит.

Работа оказалась сложнее, чем починка Ним. У Ним была трещина — глубокая, но честная. У Чашки повреждение было злым и намеренно запутанным. Чёрная нить проходила не только через лицо и затылок, она в двух местах цеплялась за внутренний узор на груди. Стоило потянуть, и вышитая чаша начинала темнеть по краю. Элина почти сразу поняла: грубая сила испортит куклу окончательно.

Пришлось действовать иначе.

Сначала она очистила лицо мягкой тканью, смоченной чистой водой. Копоть сходила плохо, будто не хотела расставаться с деревом, но под ней проявились круглые щёки, тонкий нос, маленькие брови домиком и закрытые глаза с ресницами из тёмных нитей. Чашка не была красивой в светском смысле. Она была уютной. Такой, рядом с которой хотелось поставить горячий горшок, поправить полотенце на крючке и не ругаться лишний раз.

Потом Элина закрепила оторванную руку не на место, а рядом, чтобы не потерять мелкие детали. В плечевом узле сохранилась тонкая медная петля, но она была погнута. Ним подсказала, где лежит коробочка с запасными шарнирами, а Мира стояла рядом и подавала инструменты, стараясь не дышать слишком громко.

— Ты можешь сесть, — сказала Элина через некоторое время.

— Я не устала.

— Я устала смотреть, как ты не устала.

Мира смутилась, но всё-таки присела на край сундука. Ним одобрительно хмыкнула.

— Хозяйка, которая сажает заказчика, рискует испортить ему привычку страдать стоя.

— Значит, мастерская будет вредным местом для плохих привычек.

Элина работала медленно. Сначала нашла ложное крепление узла. Потом настоящее. Чёрная нить была спрятана под льняными волосами и продета через маленькую деревянную пластинку с вырезанным знаком. Знак выглядел незнакомым: не чаша, не ключ, не дверь. Скорее кривой крючок, похожий на зацепившийся коготь.

— Что это? — спросила она.

Ним подошла ближе. Её лицо сразу стало жёстким.

— Знак принудительного молчания. Не родовой. Чужой. Но сделан тем, кто видел старые печати Вальдов и попытался повторить их грязными руками.

— Кто в замке мог видеть старые печати?

— Управляющий. Старшие архивариусы. Те, кому разрешали работать с хозяйственными книгами. И те, кто умеет улыбаться так, будто ничего не понимает, пока все вокруг ошибаются.

Элина сразу подумала об Авелии, но вслух имени не произнесла. Слишком рано. Если она начнёт обвинять красивую гостью рода в первое же утро, то будет выглядеть ревнивой изгнанной женой, которая хватается за любую тень. Нет, ей нужны факты. Нити. Записи. Свидетели. Кукла, которая сможет вспомнить.

— Мы сохраним эту пластинку, — сказала Элина.

— Сохраним, — согласилась Ним. — И спрячем так, чтобы её не нашёл тот, кто будет искать.

Мира обняла себя руками.

— А он будет?

— Если узнает, что куклу не выбросили, — ответила Элина. — Поэтому на кухне никто не должен знать, что Чашка здесь.

— Но её уже хватились.

— Тогда скажи правду наполовину: ты испугалась и отнесла её в старый флигель, потому что не хотела, чтобы на кухне стало ещё хуже.

— Меня накажут.

Элина подняла глаза.

Вот оно. Настоящая цена первого заказа. Не магическая нить, не пуговица, не три ведра воды, а риск живой девчонки, которая и так стояла низко в доме Вальдов.

— Если тебя спросят, скажешь, что я сама забрала куклу, — сказала Элина. — Что встретила тебя у садовой дорожки и приказала отдать. Приказ леди Вальд пока никто официально не отменял.

— Но это будет неправда.

— Нет. Сейчас я действительно приказываю тебе так сказать.

Мира смотрела на неё с мучительным сомнением.

— Вы из-за меня поссоритесь с управляющим.

— Мира, я переехала в заброшенный флигель после родового собрания. Думаю, наши отношения с управляющим уже не отличаются особенной нежностью.

Ним тихо рассмеялась, и этот крошечный деревянный смех неожиданно снял напряжение. Даже Мира слабо улыбнулась.

Элина вернулась к работе. Чтобы снять чёрную нить, пришлось не резать, а распускать узел в обратном порядке. Серебряная игла поддевала петлю за петлёй, светлая нить удерживала родной узор Чашки, а Ним тихо подсказывала, какие движения лучше не делать. В какой-то момент чёрная нить дёрнулась сама и попыталась затянуться крепче. Элина почувствовала сопротивление в пальцах, будто держала не нитку, а чужое упрямое намерение.

— Не спорь с ней силой, — сказала Ним. — Она этого ждёт.

— А как?

— Покажи ей, что здесь есть другая работа.

Элина не сразу поняла. Потом посмотрела на знак чаши, на потускневший фартук, на оторванную руку. Чашка была создана не для борьбы. Её смысл был в порядке. Значит, и чинить её нужно было не как сломанную защиту, а как возвращение к делу.

Она взяла одну из катушек Миры — простую, крепкую, чуть неровную от долгого хранения. Нить была не магической, но хорошей. Настоящей. Из тех, что держат шов не потому, что сияют, а потому, что их пряли терпеливо.

— Для кухни, — сказала Элина негромко, будто обращалась не только к Мире и Ним, но и к самой кукле. — Не для страха. Не для сплетен. Не для чужих рук в кладовой. Для места, где должно быть тепло, порядок и честный счёт.

Она продела нить в иглу и начала укреплять край вышитой чаши. Стежки легли неровно — не потому, что рука дрожала, а потому что узор оказался незнакомым. Но после третьего стежка ткань под пальцами стала мягче, а после пятого чёрная нить на губах Чашки ослабла.

Мира тихо вскрикнула.

— Она моргнула!

Элина не подняла головы.

— Не отвлекай меня.

— Простите.

— И не извиняйся за каждое слово. Это тоже отвлекает.

Ним с видом строгой наставницы кивнула, будто этот урок давно следовало преподавать всем обитателям замка.

Когда последний чёрный узел распустился, нить не упала на стол. Она свернулась, как мёртвый червяк, и попыталась скользнуть к краю. Ним мгновенно наступила на неё деревянной ножкой.

— Коробочку с солью, — приказала она.

Элина протянула руку к указанному ящику, но остановилась.

— Соль не запрещена?

— Почему она должна быть запрещена?

— Неважно.

Соль оказалась в маленькой глиняной баночке. Ним велела посыпать ею чёрную нить и закрыть сверху медной крышечкой. Нить дёрнулась ещё раз, потом затихла. Элина почувствовала облегчение, но не позволила себе расслабиться. Нужно было вернуть руку.

Плечевой шарнир пришлось выправлять маленькими плоскогубцами. Потом укреплять светлым воском. Потом пришивать рукав заново, скрывая место разрыва под складкой фартука. Мира подавала инструменты уже увереннее, иногда даже угадывала, что понадобится дальше. Когда Элина попросила тонкую ленту, девушка нашла её раньше, чем Ним успела подсказать.

— У тебя хороший глаз, — сказала Элина.

Мира покраснела.

— Я просто смотрю.

— Не “просто”. Многие смотрят и ничего не видят.

Девушка опустила голову, но на этот раз не от страха. В её лице появилось то осторожное тепло, которое возникает, когда человека впервые за долгое время похвалили не из жалости.

Чашка открыла глаза ближе к полудню.

Не сразу. Сначала дрогнули ресницы. Потом деревянные пальцы, ещё недавно безжизненные, слабо сжались. Затем кукла сделала крошечный вдох — не грудью, конечно, а всем корпусом, словно внутренняя нить натянулась и снова обрела направление.

Глаза у неё оказались светло-карими, мягкими и очень сердитыми.

— Мука в третьем мешке пересыпана, — сказала Чашка хриплым маленьким голосом. — Медные формы спрятаны за холодной печью. Ложки считает не тот, кто должен. А мальчишка с водой зря плакал, он не трогал свечи.

Мира закрыла рот обеими руками.

Элина устало опустилась на стул.

— Доброе утро и тебе.

Чашка повернула голову к ней. Движение вышло неуклюжим, но живым.

— Вы не кухонная.

— Нет. Но сегодня я немного мастерская.

Ним важно встала рядом.

— Это Элина. Называть её можно по имени, если хватит воспитания не шипеть на первую починку.

Чашка моргнула, потом посмотрела на свою пришитую руку, на обновлённый знак чаши, на Миру. Её маленькое лицо смягчилось.

— Девочка принесла меня.

— Да, — сказала Элина. — И заключила заказ. Тебе нужно вернуться на кухню и помочь навести порядок. Но сначала ты скажешь, кто завязал чёрную нить.

Кукла напряглась. Свет в её глазах дрогнул, и Элина поняла: ответ не будет простым.

— Я не видела лица, — сказала Чашка. — Меня повернули к стене. Руки были в перчатках. Пахло холодным камнем, бумагой и чужими духами.

Элина обменялась взглядом с Ним.

Бумага могла быть у управляющего. Духи — у Авелии. Холодный камень — у любого, кто ходил через нижние коридоры. Слишком мало.

— Голос? — спросила Элина.

— Молчал. Только когда узел затянулся, кто-то сказал: “Пусть хозяйка подавится первым чудом”.

Мира побледнела.

— Значит, это из-за госпожи?

— Это против госпожи, — резко поправила Ним. — Разница такая же, как между пылью на полке и грязью на чужих руках.

Элина молчала. Слова неизвестного были слишком точными. Кто-то уже знал, что мастерская проснулась. Кто-то ожидал первого чуда и решил испортить его заранее. Значит, за восточным флигелем следили. Или печати, о которых говорила Ним, сообщили тому, кто их ставил.

— Чашка, ты сможешь работать? — спросила Элина.

— Если вернусь на место. Если девочка поставит меня у печной стены. Если никто не закроет мне рот снова.

— Не закроет, — сказала Мира неожиданно твёрдо.

Элина посмотрела на неё. Девушка сама удивилась своему голосу, но не отступила.

— Тогда слушайте внимательно обе, — сказала Элина. — Мира, ты вернёшь Чашку не тайком, как краденую вещь, а спокойно. Скажешь, что леди Вальд починила кухонную хранительницу по твоей просьбе. Если начнут ругать, отвечай: заказ был принят мастерской, плата внесена. Никаких оправданий. Чем больше ты будешь оправдываться, тем легче тебя обвинят.

— А если старшая кухарка велит выбросить её снова?

— Тогда попросишь её назвать это распоряжение при свидетелях. Прямо так и скажешь: “Повторите, пожалуйста, что Вы велите выбросить хранительницу кухни после того, как мастерская приняла заказ”. Люди, которые любят кричать в темноте, часто говорят тише при свидетелях.

Мира кивнула, запоминая каждое слово.

— А если придёт управляющий?

Элина почувствовала, как усталость сменилась холодной ясностью.

— Тогда передашь, что я жду его письменного распоряжения. С печатью. Пусть напишет, что запрещает чинить имущество дома Вальдов и восстанавливать порядок на кухне.

Ним довольно прищурилась.

— Ах, как приятно пахнет утренней дерзостью.

— Это не дерзость. Это хозяйственный учёт.

— Называйте как хотите, лишь бы продолжали.

Чашку завернули уже в чистую ткань. Перед этим Элина нашла тонкую красную ленту и повязала её вокруг талии куклы не для красоты, а чтобы скрыть обновлённый шов и закрепить узор. Чашка сидела в свёртке прямо, с достоинством маленькой начальницы, которой наконец вернули право следить за своим углом.

Перед уходом Мира неожиданно поклонилась. Не так, как в замке — низко, испуганно, по привычке. А коротко и честно.

— Я вернусь с водой, госпожа. И со списком пропаж.

— Сначала поешь, если получится.

— На кухне после такого, может, и получится, — тихо сказала девушка и впервые за всё утро улыбнулась без страха.

Когда дверь за ней закрылась, Элина прислонилась к косяку и позволила себе несколько секунд тишины.

— Сейчас ты скажешь, что я сделала глупость, — произнесла она.

— Нет, — ответила Ним. — Сейчас я скажу, что Вы сделали первую работу настоящей хозяйки.

— Я всего лишь починила кухонную куклу.

— Нет. Вы взяли плату, заключили заказ, защитили заказчицу и сохранили улику. Не портите момент излишней скромностью.

Элина посмотрела на свои руки. Пальцы были в пыли, воске, саже от очага и крошечных волокнах ткани. Под ногтем застряла золотая искра, которую не удавалось стряхнуть. Эти руки вчера ещё принадлежали женщине, которую выставили из замка как бесполезную. Сегодня ими был заключён первый договор мастерской.

— Мне нужно умыться, — сказала она. — И поспать хотя бы час.

— Вам нужно поспать три часа.

— У нас нет трёх часов.

— У нас нет и хозяйки, которая упадёт лицом в книгу заказов.

Элина хотела возразить, но мастерская словно поддержала Ним: стул у стола сам выдвинулся, а с верхней полки сползла сложенная ткань, падая прямо на спинку, как приглашение. Получилось почти заботливо, если не считать пыли.

— Вы все сговорились, — сказала Элина.

— Мастерская умеет отличать полезное упрямство от глупого. Сейчас у вас второе.

Спорить с куклой, домом и собственными дрожащими коленями было трудно. Элина умылась холодной водой, нашла в сундуке простое платье и поднялась на второй этаж. Там обнаружили несколько комнат, одна с узкой кроватью под серым покрывалом. Постель пахла пылью, но не сыростью. Элина вытряхнула покрывало у окна, застелила кое-как, легла поверх, собираясь закрыть глаза на несколько минут.

Очнулась она от стука.

Сначала не поняла, где находится. Потолок был чужой, с тонкой трещиной у балки. За ставнями серел день. Где-то внизу тихо переговаривались деревянные голоса, а по лестнице раздавался быстрый топот маленьких ножек — Ним, судя по недовольному бормотанию, командовала то ли стулом, то ли шкафом.

Стук повторился. Уже внизу, во входную дверь.

Элина резко села. Голова была тяжёлой, но мысли собрались быстро. На улице явно не раннее утро; свет стал ярче, значит, она проспала больше часа. На столе у кровати лежала записка, написанная неровным кукольным почерком: «Вы спали два часа и никого не оскорбили. Успех».

Элина невольно улыбнулась, потом услышала голос Миры:

— Госпожа! Это я!

Внизу пахло дымом из очага и свежей водой. На рабочем столе стояли три полных ведра — плата, значит, уже внесена. Рядом лежал лист, исписанный аккуратными строками. Мира стояла посреди мастерской, раскрасневшаяся, взволнованная и сияющая так, будто принесла не список пропаж, а королевскую грамоту.

— Она работает! — выпалила девушка. — Чашка работает! Старшая кухарка сначала кричала, но потом шкаф сам открылся, и из него выпали медные формы. Все видели, что они были задвинуты за фальшивую доску. А потом Чашка повернула голову к кладовой, и мы нашли под мешками три связки свечей. И ещё записку с числами. Я не понимаю, что там, но кухарка побелела и велела никому не говорить.

— А ты пришла и говоришь, — заметила Ним.

Мира смутилась.

— Заказ был у госпожи. Значит, госпоже надо знать.

— Умная девочка.

Элина взяла лист. На нём были перечислены пропажи за последние месяцы: крупа, свечи, медная посуда, льняные полотенца, два мотка крепкой нити, связка ключей от малой кладовой, несколько мешочков редких специй для праздничных блюд, три серебряные ложки, которые потом «нашлись» в комнате младшей помощницы. Список говорил не о беспорядке. Он говорил о системе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.